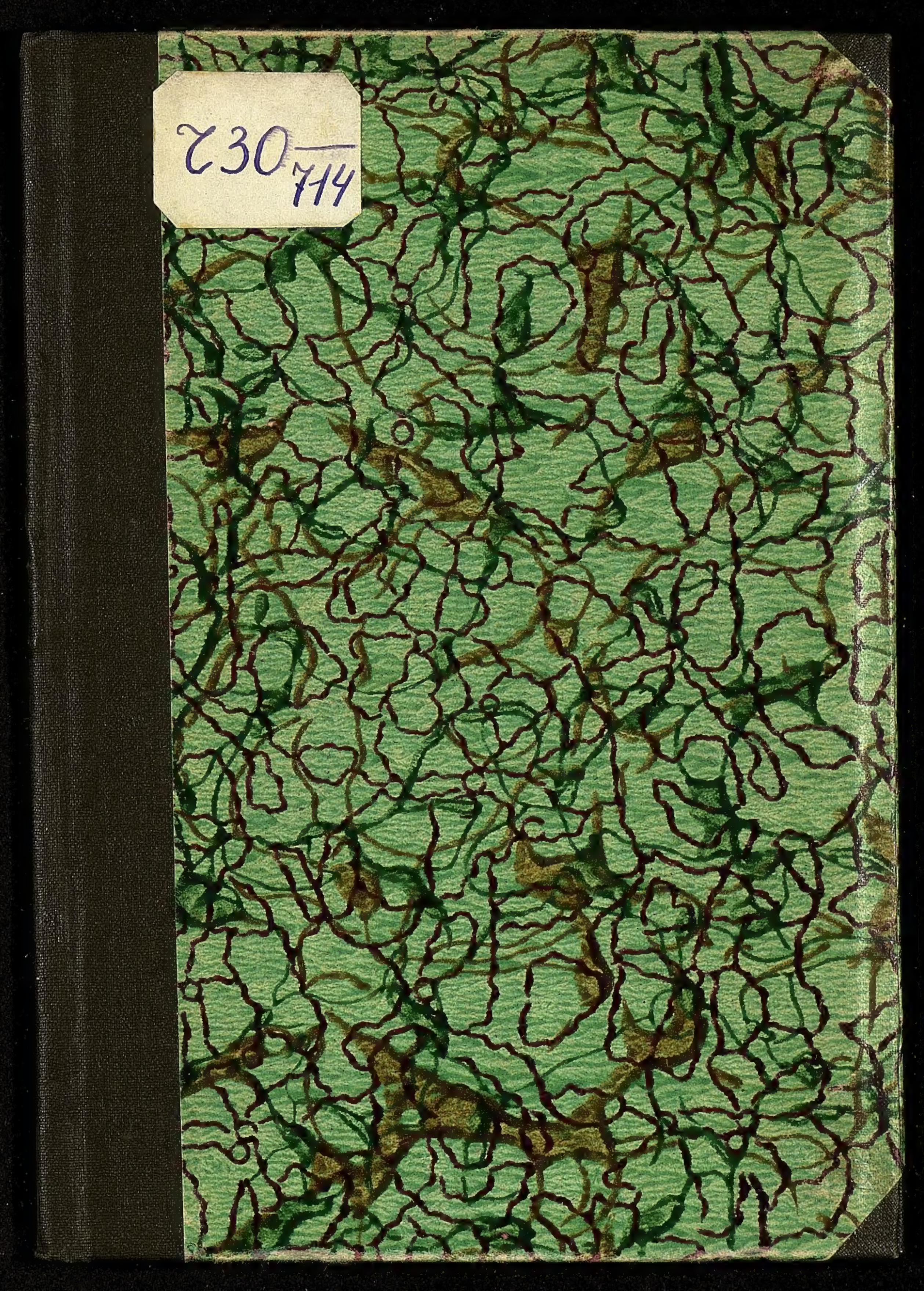
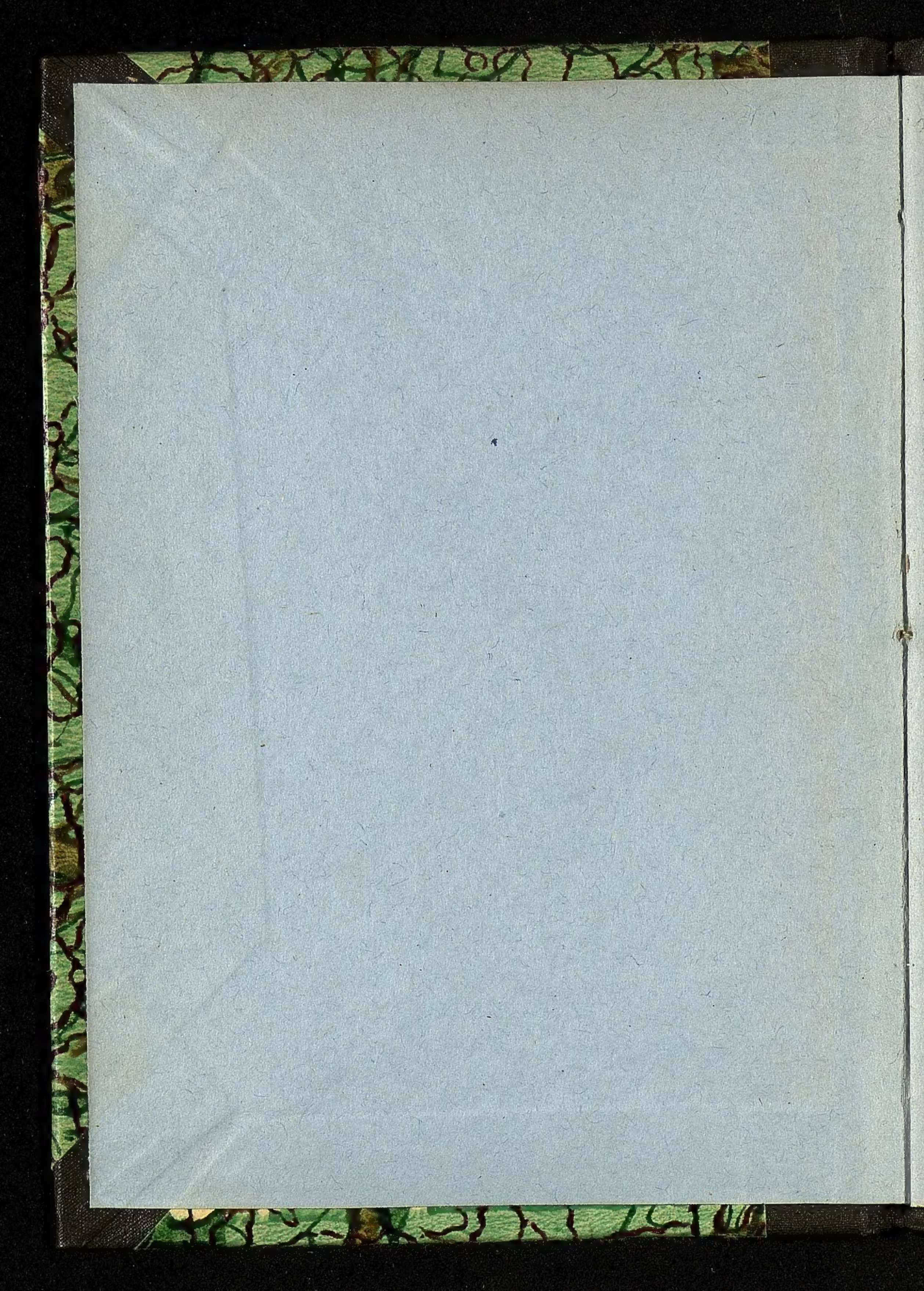
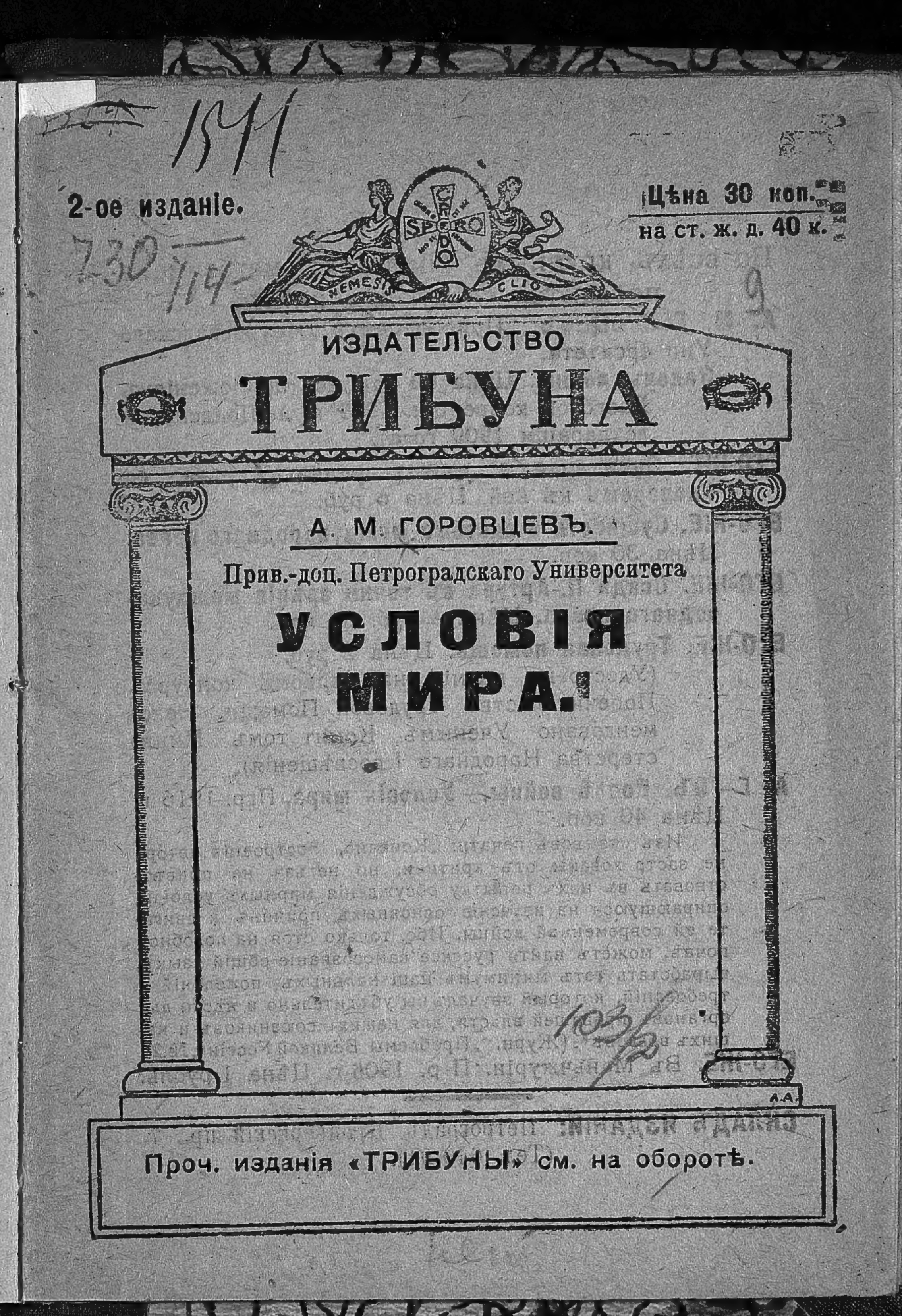

2-ое изданіе.
Цѣна 30 коп.
на ст. ж. д. 40 к.
SPERO
CREDO
NEMESIS
CLIO
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРИБУНА
А. М. ГОРОВЦЕВЪ.
Прив.-доц. Петроградскаго Университета
УСЛОВІЯ
МИРА.
Проч. изданія «ТРИБУНЫ» см. на оборотѣ.

Во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги;

А. М. ГОРОВЦЕВЪ, Прив.-доцентъ Петроградскаго Университета.

Законы войны. Цѣна 80 коп. (съ приложеніемъ Гаагской конвенціи 1899 г. и Лондонской деклараціи 1909 года).

ЕГО-ЖЕ. Энциклопедія международнаго права, со Словаремъ къ ней. Цѣна 6 руб.

ЕГО-ЖЕ. Сущность и система международнаго права. Цѣна 30 коп.

ЕГО-ЖЕ. Осада П.-Артура съ точки зрѣнія международнаго права. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЕГО-ЖЕ. Трудовая помощь. Цѣна 2 руб. (Удостоено преміи на первомъ конкурсѣ Попечительства Трудовой Помощи. Рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

А. Г—ВЪ. Послѣ войны.—Условія мира. Пгр. 1916 г. Цѣна 40 коп.

Изъ отзывовъ печати: „Конечно, построенія автора не застрахованы отъ критики, но нельзя не привѣтствовать въ нихъ попытку обсужденія мирныхъ условій, опирающуюся на изученіе основныхъ причинъ и двигателей современной войны. Ибо, только стоя на подобной почвѣ, можетъ найти русское самосознаніе общій языкъ, выработать тотъ минимумъ національныхъ пожеланій и требованій, который звучалъ бы убѣдительно и вѣско для органовъ правящей власти, для нашихъ союзниковъ и нашихъ враговъ“. (Журн. „Проблемы Великой Россіи“, № 2).

ЕГО-ЖЕ. Въ Маньчжуріи. Пгр. 1906 г. Цѣна 1 рубль.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: Петроградъ, Кронверкскій пр., 7. (Тел. 640-91).

Отъ автора.

Вмѣсто предисловія
КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Выпуская въ свѣтъ работу, независимость которой отъ преходящихъ колебаній того или иного политическаго момента свидѣтельствуется уже самымъ выходомъ ея въ свѣтъ, во 2-мъ изданіи, почти безъ какихъ-либо измѣненій по сравненію съ 1-ымъ ея изданіемъ, относящимся къ началу 1915 года, авторъ ея,—провозгласившій уже тогда ту формулу «мира безъ аннексій», въ правильномъ ея пониманіи, которая какъ разъ въ настоящіе дни вспыхнула съ такою крайнею силой, въ ея пониманіи неправильномъ, въ нѣкоторой части русскаго общественнаго мнѣнія, сотрясенной грандіозными февральскими событіями,—болѣе, чѣмъ кто либо другой, не вправѣ обойти молчаніемъ то теченіе, какое теперь покрывается или прикрывается этой формулой, подъ знаменемъ борьбы съ капитализмомъ и защиты интересовъ тѣхъ болѣе слабыхъ общественныхъ классовъ, которые объединяются именемъ пролетаріата.

Не хотѣть конца войны, не хотѣть мира не можетъ, конечно, никто, кромѣ развѣ тѣхъ, для кого война является источникомъ той безстыдной наживы на проливаемыхъ потокахъ человѣческой крови, которая, по справедливости, окрещена именемъ мародерства.

Но какого мира и мира съ кѣмъ? Вѣдь не только въ экономической жизни, но и въ политической есть также свой «капитализмъ»,—самый страшный видъ капитализма: то колосальное накопленіе военной и политической силы и могущества одного государства, при которомъ оно, какъ самый алчный эксплоататоръ-капиталистъ, начинаетъ диктовать свою волю другимъ народамъ и государствамъ во всѣхъ областяхъ жизни, не исключая, конечно, и экономической.

Развѣ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе по вопросу о томъ, кто, за послѣднія десятилѣтія, является во всей Европѣ, и во всемъ мірѣ такимъ ненасытнѣйшимъ въ своей алчности капиталистомъ? Развѣ можетъ быть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что исторія человѣчества давно не давала такихъ примѣровъ самаго алчнаго, самаго ненасытнаго политическаго «капитализма», какой являетъ собой Германія Гогенцоллерновъ, Германія Мольтке и Бисмарка, сама вооруженная «до зубовъ» и вынуждавшая всѣ остальные народы къ бѣшенной скачкѣ милитаризма, убивающаго всѣ производительныя силы человѣчества.

Развѣ мыслимо имѣть до такой степени короткую память, чтобы забыть, что настоящая война является не тою, какою была война съ Японіею, за ялу-цзянскую концессію, за капитализмъ Безобразова и его компаніоновъ, а войною, начатою подъ знаменемъ борьбы за тотъ «пролетаріатъ» въ отношеніи политической силы и могущества въ лицѣ Сербіи и Бельгіи, за государственное и человѣческое достоинство котораго, попранное пятою

страшнѣйшаго въ политическомъ мірѣ «капиталиста», именно и вступилась составившаяся противъ Германіи Коалиція.

И неужели мыслимо, чтобы тѣ, въ чьихъ глазахъ знамя это могло служить, при Николаѣ II, только прикрытіемъ собственныхъ «капиталистическихъ», имперіалистическихъ цѣлей, могли бы не соглашаться съ тѣмъ, что было бы безуміемъ и безчестіемъ рвать самое знамя только потому, что оно находилось раньше въ рукахъ знаменосца, его недостойнаго, и рвать его именно въ тотъ моментъ, когда въ рукахъ новаго знаменосца—самого народа—оно должно развернуться съ особою широтой, крѣпостью и силой.

Неужели мыслимо допустить, чтобы новая, свободная Россія, ликвидировавъ сепаратнымъ миромъ, «сепаратнымъ позоромъ», войну, начатую, при Николаѣ II, въ защиту Сербіи,—одной изъ слабѣйшихъ, послѣднихъ, по своему политическому значенію, странъ, воистину «политическаго пролетарія» между народами Европы,—оказалась бы на низшемъ, въ этомъ отношеніи, уровнѣ идеаловъ чести и достоинства,—наконецъ, пониманія собственныхъ интересовъ истиннаго мира и безопасности, чѣмъ прежняя Россія, Россія «стараго режима?»

Неужели для тѣхъ, кто выступаетъ подъ знаменемъ пролетаріата, подъ знаменемъ слабыхъ и угнетенныхъ, можетъ быть, прежде всего, неясною та, по меньшей мѣрѣ, непослѣдовательнссть, какою было бы стремленіе къ миру съ Германіей—могущественнѣйшимъ «капиталистомъ» накопленнаго ею на французской крови 1870

года политическаго капитала,—и предательство по отношенію хотя бы только къ одной Сербіи, слабѣйшаго изъ политическихъ пролетаріевъ Европы?

Неужели на тѣхъ, кто зоветъ къ сепаратному миру съ Германіею, можетъ въ такой степени дѣйствовать страшнѣйшій изъ всѣхъ провокаторовъ—человѣческое невѣжество,—чтобы они могли не понимать, что когда они основываютъ эти свои призывы на томъ, что германская соціалъ-демократія можетъ также хотѣть мира, то имъ можетъ быть данъ отвѣтъ, способный, кажется, быть доступнымъ даже и самой «запломбированной» психологіи:

«Скажите, какъ отнеслись бы вы къ тому, кто въ дни 26—28 февраля сталъ бы васъ призывать къ миру съ Николаемъ II на томъ основаніи, что вѣдь и среди городовыхъ, стрѣлявшихъ съ крышъ изъ пулеметовъ, могли быть и такіе, которые стрѣляли не изъ преданности Николаю II-му, но все-таки вѣдь стрѣляли.

«Допустимъ, что и среди германскихъ соціалъ-демократовъ, находящихся въ войскахъ Вильгельма, есть и такіе, которые воюютъ также не изъ преданности Кайзеру, но вѣдь они воюютъ, они проливаютъ потоки крови, ихъ доля участія есть, вѣдь, и въ Калишскихъ звѣрствахъ, и въ работѣ сорвавшихся съ цѣпей культуры дикарей, не оставившихъ камня на камнѣ въ Сербіи и въ Бельгіи...

«Такъ неужели же миръ можетъ быть заключенъ раньше, чѣмъ будетъ обузданъ тотъ, сорвавшійся съ цѣпей культуры звѣрь, какого представляетъ собою Германія, возглавляемая Вильгельмомъ II и прусскимъ

юнкерствомъ, первовиновниками совершающейся мировой бойни; будетъ обузданъ величайшими въ мірѣ демократіями Франціи, Англіи и Америки, вмѣстѣ съ демократіею Новой Россіи, если, повидимому, для его обузданія внутренняго слишкомъ недостаточно силъ самой же германской демократіи.

«И, наконецъ, если вы дѣйствительно хотите помочь этой германской демократіи, то развѣ не ясно само собою, что не можетъ быть для этого лучшаго средства, чѣмъ то, которое такъ наглядно испытано въ Россіи: глубокое возбужденіе противъ деспотизма всей толщи народныхъ массъ военными пораженіями и неудачами, для которыхъ нужно теперь съ нашей стороны наступленіе, наступленіе и наступленіе...

— Да, конечно, «миръ безъ аннексій и контрибуцій»! Безъ тѣхъ аннексій, которыя могутъ идти въ разрѣзъ съ началомъ самоопредѣленія народовъ, и безъ контрибуцій по тому расчету, какимъ руководилась Германія 1870 года, пользуясь предлогомъ возмѣщенія военныхъ издержекъ для того, чтобы накинуть ростовщическій процентъ, нажитый на потокахъ человѣческой крови...

Да, конечно, «миръ безъ аннексій и безъ контрибуцій». Но съ тою величайшею «контрибуціею», какою должна быть для войны, начатой во имя идеи, «контрибуція чести и свободы всего человѣчества» — побѣда надъ Германіею Вильгельма II.

И безъ той «аннексіи разсудка», какою только и можно объяснить себѣ призывы къ сепаратному миру съ этою, т а к о ю, Германіей, величайшимъ изъ политическихъ

эксплоататоровъ-«капиталистовъ»,—призывы, исходящіе со стороны тѣхъ, кто на своемъ знамени пролетаріата несетъ высокія слова защиты слабыхъ и угнетенныхъ...

Именно теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было,—когда совершилось въ великіе дни 26—28 февраля то, послѣ чего не могутъ быть страшны никакіе упреки въ «фантастичности» и «идеализмѣ», въ излишней вѣрѣ въ историческую Немезиду,—«война только начинается»: начинается тотъ «конецъ войны», о какомъ только можетъ мечтать, въ переживаемую нами поистинѣ Величайшую въ исторіи міра героическую эпоху, Великій Свободный Человѣческій Духъ....

Для тѣхъ, кто въ это вѣритъ, эти слова, такъ часто произносимыя: «война только начинается»,—не одинъ только пустой звукъ.

Для тѣхъ «идеалистовъ», которые помнятъ и понимаютъ слова «реальнѣйшаго» изъ реалистовъ, Пальмерстона, о томъ, что нѣтъ такой силы артиллерійскихъ орудій, которая была бы могущественнѣе силы идеи,—судьба нынѣшней войны или, быть можетъ, какъ и въ наполеоновское время, цѣлой эпохи войнъ, вся еще въ будущемъ.

И если въ Наполеоновскую эпоху, когда вся сила штыковъ и артиллеріи была на сторонѣ «врага Европы», заставлявшаго германскихъ государей играть роль его ординарцевъ въ Эрфуртѣ и Дрезденѣ, сила идеи давала духовнымъ вождямъ тогдашней Германіи, Штейну, Гумбольдту, Фихте право, впослѣдствіи оправданное исто-

ріею, строитъ даже и въ дни Фридланда, Аустерлица и Іены, основы будущей Германіи, доведенныя въ наше время, къ несчастью для всего человѣчества, до абсурда послѣдователями новыхъ вождей современной Германіи — Бисмарка, Мольтке и Ницше; то можно и нужно вѣрить, что и въ тѣ дни, когда эта современная Германія пришла на линію Двинска, не должно звучать утопіею, передъ лицомъ исторической Немезиды, то, о чемъ, къ большому удовлетворенію автора, было сказано, въ одномъ изъ недавнихъ отзывовъ печати о настоящей его работѣ, какъ о достойной привѣтствія.

«попыткѣ обсужденія мирныхъ условій, опирающейся на изученіе основныхъ причинъ и двигателей современной войны. Ибо,—сказано въ этомъ отзывѣ,—только стоя на подобной почвѣ, можетъ найти русское самосознаніе общій языкъ, выработать тотъ минимумъ національныхъ пожеланій и требованій, который звучалъ бы убѣдительно и вѣско для органовъ правящей власти, для нашихъ союзниковъ и нашихъ враговъ». (Журн. «Проблемы Великой Россіи» № 2).

Вслѣдствіе этого, авторъ со спокойною совѣстью перепечатываетъ съ 1-го изданія, безъ какихъ-либо особыхъ измѣненій, настоящую свою работу, посвященную вопросу о томъ первѣйшемъ, необходимѣйшемъ для будущаго всей Европы, внѣ какихъ бы то ни было политическихъ колебаній, условіи мира, которое заключается въ созданіи въ Восточной Европѣ,— не на почвѣ отвлеченнаго стариннаго славянофильства, а на реальныхъ основаніяхъ старой и вѣчно новой идеи политическаго равновѣсія, — сильнаго оплота противъ воинствующаго Германизма въ лицѣ федеративно-организованнаго Славянства и за которымъ, уже во вторую очередь, можетъ и должно послѣдовать выясненіе и обсужденіе дальнѣйшихъ условій міра.

Условія мира.

I.

Если во время мира, хотя бы и самаго глубокаго и безмятежнаго, нельзя ни на одну минуту забывать мудрое правило: «помни о войнѣ», то, съ другой стороны, и во время войны, хотя бы и самой ожесточенной и безпощадной, можно менѣе всего считать неправильнымъ — не для тѣхъ, быть можетъ, кого окружаетъ огонь смертоносныхъ боевъ, но, во всякомъ случаѣ, для тѣхъ, кто будетъ опредѣлять, въ концѣ концовъ, ихъ результаты, пара фразъ этого правила: — «помни о мирѣ», о тѣхъ единственно возможныхъ будущихъ его условіяхъ, которыя должны послужить прочными основаніями для плотины отъ новыхъ потоковъ заливающей Европу крови.

Война, конечно, не является, вѣдь, никогда самоцѣлью. Война — лишь путь, которымъ народы приходятъ къ обезпеченію мира. Война ведется для пріобрѣтенія мира — эта формула бл. Августина не только не утратила своего значенія, но едва ли она принадлежала ей когда-нибудь въ бо́льшей степени, чѣмъ теперь. Съ другой же стороны, не одну только игру словъ представляетъ собою извѣстное каждому, кто помнитъ загорающееся, въ особенности въ настоящія минуты, новыми искрами своей безсмертной жизни великое твореніе Толстого, остроумное слово одного изъ живыхъ лицъ

«Войны и Мира» о томъ, что «войну рѣшаетъ не порохъ, а тѣ, кто его выдумали».

Исторія знаетъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно слишкомъ много примѣровъ того, насколько далеки оказывались нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній отъ совершенства, когда тѣ, отъ кого они исходили, неспособны были «выдумывать порохъ». Доказывать, при этихъ условіяхъ, необходимость тщательнѣйшаго изученія всего вѣроятнаго соотношенія политическихъ силъ участниками будущаго конгресса или конференціи,—которые, къ слову сказать, должны были бы быть намѣчены теперь же и уйти всецѣло въ подготовку ожидающей ихъ величайшей задачи,—значило бы ломиться въ открытую дверь. Съ другой же стороны, нѣтъ, конечно, другой силы, которая могла бы имъ больше помочь въ этомъ, чѣмъ выразительница общественнаго мнѣнія—печать. И поэтому долгъ каждаго, кто можетъ дѣйствовать этимъ путемъ,—не замыкать въ себѣ своихъ мыслей. Онѣ, конечно, могутъ быть ошибочны, но вѣдь не ошибается въ своихъ мысляхъ только тотъ, кто ничего не думаетъ, а въ ихъ выраженіи—только тотъ, кто ничего не говоритъ.

* * *

О томъ, въ какой мѣрѣ настоящая война есть, прежде всего, долго и давно ожидавшаяся борьба двухъ міровъ,—германскаго и славянскаго,—распространяться, конечно, не приходится. Правда, что при томъ чуть ли не всемірномъ характерѣ, какой пріобрѣла война уже съ ея первыхъ дней, каждому изъ ея участниковъ можетъ казаться, что война представляетъ собой, прежде всего,

борьбу между Германіею и тою именно державой, съ точки зрѣнія которой образуется сужденіе о значеніи этой войны.

Съ точки зрѣнія Англіи,—это война за господство на моряхъ, на которое, какъ нынѣ оказывается, столь же неосновательно, сколь и шумно и крикливо заявляла всѣ послѣдніе годы свои притязанія Германія Гогенцоллерновъ. Съ точки зрѣнія Франціи, настоящая война есть, конечно, прежде всего «revanche», та державшая ее почти полстолѣтія въ величайшемъ напряженіи идея отомщенія за поруганную, при Наполеонѣ III, честь, для которой территоріальныя границы Эльзаса и Лотарингіи служатъ вещественнымъ воплощеніемъ.

Однако, война началась не между Франціей и Германіею, и не между Германіею и Англіею, а именно между Германіею и Россіею. И это, конечно, не простая случайность, какъ не случайность и то, что она началась не изъ-за чего-нибудь иного, а именно въ защиту, со стороны Россіи, славянскаго міра отъ новаго, еще безпримѣрнаго дотолѣ, насилія, которое готовился совершить германскій міръ Гогенцоллерновъ по отношенію къ одному изъ слабѣйшихъ членовъ міра славянскаго.

Въ силу особенности, обычной у тѣхъ, у кого высота духа стоитъ далеко не на уровнѣ внѣшняго могущества, Германія Гогенцоллерновъ въ своихъ отношеніяхъ съ тѣми, кого она считала достаточно сильнымъ, не только не искала конфликтовъ, но, напротивъ того, дѣлала все, что отъ нея зависѣло, чтобы снискать себѣ расположеніе этихъ возможныхъ своихъ противниковъ. У всѣхъ еще въ памяти та неожиданная даже уступчивость,

какая была проявлена Германіею въ извѣстномъ Агадирскомъ инцидентѣ, и которая была бы мало понятна, еслибы Германія хотѣла дѣйствительно довести дѣло до вооруженнаго столкновенія съ Франціей. А что касается Англіи, то достаточно сказать, что Вильгельмъ II положительно правъ, съ своей точки зрѣнія, когда, чуть ли не плагіатизируя извѣстныя слова Императора Николая Павловича о роли Австріи во время крымской кампаніи, говоритъ о томъ, что Англія... удивила его своею неблагодарностью. Смѣшивая личныя отношенія между монархами съ отношеніями между ними, какъ Главами Государствъ, Вильгельмъ II только съ этой, конечно, точки зрѣнія, имѣетъ всѣ основанія удивляться тому, какъ могла выступить противъ него Англія, послѣ того какъ его братъ совершалъ чуть ли не правильные рейсы между Гамбургомъ и Лондономъ, чтобы поддерживать родственныя отношенія между кузенами....

И если выступила Франція, если выступила Англія, то это произошло не потому, чтобы затронуты были ихъ непосредственно осязательные интересы, а, прежде всего, потому, что Австро-Германіею взята была слишкомъ уже высокая нота на ея антиславянской скрипкѣ въ томъ концертѣ, которымъ она уже почти полвѣка завораживала всю Европу. Для Франціи и, въ особенности для Англіи, напряженное состояніе въ отношеніяхъ между германскимъ міромъ и славянскимъ, начавшееся не со вчерашняго дня, давно уже являлось естественнымъ барометромъ того политическаго давленія, «право» на которое присвоила себѣ Германія Гогенцоллерновъ.

Съ этой точки зрѣнія, не осталась безъ своего положительнаго значенія даже и та выдержанность, какая обнаружена была за послѣдніе передъ войной годы руководителями нашей внѣшней политики, явившись залогомъ дѣятельнаго сочувствія ей со стороны тѣхъ державъ, — теперешнихъ нашихъ Союзницъ, — которыя еще такъ недавно склонны были усматривать одинъ только личный интересъ въ каждомъ движеніи мысли Россіи въ сторону славянскаго міра, олицетворявшагося до послѣдняго времени созданными ею балканскими государствами.

Было бы поэтому несправедливо отрицать теперь серьезнѣйшія заслуги тѣхъ изъ руководителей нашей внѣшней политики, кому Россія обязана тѣмъ, что въ грозный часъ рѣшенія величайшихъ историческихъ судебъ она не только не осталась одинокою, но, благодаря дипломатической подготовкѣ, основанной на простѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ, какъ и слѣдовало ожидать, принципахъ политики, — сдержанности, обезпечивающей довѣріе къ политической честности, — оказалась въ самомъ центрѣ тѣснаго кольца союзниковъ въ той великой войнѣ, которая, по справедливости, будетъ называться «Войною Народовъ», какъ названа была «Битвою Народовъ» знаменитая битва при Лейпцигѣ, положившая конецъ кошмару наполеоновскихъ войнъ.

* *
*

Несомнѣнная правда и то, конечно, что никто въ большей мѣрѣ не способствовалъ созданію этой дипломатической подготовки, чѣмъ сама же Германія Гоген-

цоллерновъ, въ особенности, въ послѣдніе моменты передъ войною и при самомъ ея началѣ. Эта Германія сдѣлала дѣйствительно тотъ шагъ отъ Бисмарка къ Вильгельму II-му, который отдѣляетъ геній отъ неразумія: нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи, столь неожиданно воскресившей подъ Льежемъ въ памяти міра древніе образы Спарты и Ѳермопилъ, она сдѣлала все отъ нея зависѣвшее, чтобы Англія не осталась безучастною къ пренебреженію тѣмъ старымъ пожелтѣвшимъ «клочкомъ бумаги», договоромъ о нейтралитетѣ Бельгіи 1839 года, котораго не посмѣлъ коснуться въ 70-мъ году даже и самъ Бисмаркъ.

Начиная войну противъ Франціи, Германія имѣла передъ собою два наступательныхъ пути: одинъ—въ лобъ той непрерывной линіи крѣпостей, которою Франція послѣ 1870 года отдѣлила себя, какъ новою китайскою стѣною, отъ своей «доброй сосѣдки». На этомъ пути Германію ожидало, понятно, сопротивленіе слишкомъ сильное и хорошо организованное, чтобы можно было передъ нимъ не призадуматься. Вильгельмъ II-ой, конечно, и призадумался и, въ результатѣ, его осѣнила блестящая мысль: вмѣсто того, чтобы идти этимъ путемъ, подъ огонь непрерывнаго ряда французскихъ крѣпостныхъ орудій, не проще ли дѣйствительно войти во Францію прямо по ровному полю—бельгійскому. Бельгія, правда, страна нейтрализованная въ силу общеевропейскаго договора. Но что такое договоръ? Клочекъ бумаги и ничего больше. Стоитъ ли дѣйствительно задумываться надъ такими пустяками?

Оказалось, однако, что, не говоря уже о томъ неожиданномъ геройскомъ сопротивленіи, какимъ загорѣлась въ защиту неприкосновенности своей территоріи сама Бельгія, «клочекъ бумаги» стоилъ Германіи едва ли не всей линіи «китайской стѣны» французскихъ крѣпостей: за этимъ «клочкомъ бумаги» оказались чудеснымъ образомъ скрытыми всѣ линіи морскихъ крѣпостей Англіи, и прикосновеніе къ «клочку бумаги» обошлось Германіи едва ли не дороже всѣхъ потерь, которыя она понесла бы на линіи французскихъ крѣпостей, еслибы она не соблазнилась фактическою, какъ ей казалось, возможностью игнорировать «клочекъ бумаги».

«Клочекъ бумаги» оказался, для сверхъ-Бисмарка и сверхъ-Наполеона, ящикомъ Пандорры. И параличемъ всего германскаго флота подтвердила на дѣлѣ старая «владычица морей» мечтателю о могуществѣ Германіи на водахъ слово-напоминанія ея посла, сэра Эдуарда Гошена о томъ, что на этомъ «клочкѣ бумаги» подпись Англіи, что въ немъ—ея честь.

II.

Настоящая война есть вообще, для Великихъ Державъ, прежде всего, война чести. Ее называютъ очень часто войною освободительною. Но если ее и можно такъ называть, то, конечно, въ буквальномъ лишь для второстепенныхъ государствъ и народовъ смыслѣ, а для Великихъ Державъ лишь въ переносномъ, такъ

какъ въ ней если и идетъ рѣчь объ ихъ освобожденіи, то лишь отъ того нравственнаго гнета, какимъ тяготила Германія весь міръ за послѣднія десятилѣтія.

Самый поводъ къ этому всемірному пожару, возникшему какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, съ уходомъ съ исторической сцены эрцгерцога Франца-Фердинанда, великая борьба между германскимъ и славянскимъ мірами могла казаться если не избѣгнутою, то надолго отодвинутою,—самый этотъ поводъ выросъ на томъ полѣ чести, на которомъ маленькая Сербія оказалась державою гораздо болѣе великою, чѣмъ Австро-Венгрія.

И съ того момента, какъ Сербія на безпримѣрныя требованія своей, потерявшей отъ близости Берлина голову, сосѣдки, дала полный достоинства и съ трудомъ скрываемаго возмущенія отвѣтъ о готовности ея пожертвовать, для сохраненія мира, всѣмъ, кромѣ чести, — съ этого момента какъ будто бы данъ былъ поддержанный, прежде всего, Россіею, вытянувшеюся во весь свой ростъ на защиту чести Сербіи и своей чести, тотъ тонъ всему дальнѣйшему развитію событій, при которомъ, наряду съ борьбою противъ Германіи всѣхъ, кто принялъ въ ней участіе въ защиту правды и чести, началась и борьба между самими же участниками противогерманской коалиціи,—благороднѣйшая борьба, соревнованіе въ благородствѣ, чести и мужествѣ.

Такою должна быть эта война чести до конца. И такою она будетъ уже по одному тому, что ни одна изъ Великихъ Державъ, принимающихъ въ ней участіе,

не ищетъ себѣ и не должна искать отъ нея никакихъ личныхъ выгодъ и территоріальныхъ приращеній.

Кромѣ вопроса объ Эльзасъ-Лотарингіи, который, какъ выше упомянуто, есть для Франціи, прежде всего, вопросъ чести, едва ли, какъ оно ни странно, эта величайшая въ исторіи война будетъ сопровождаться дѣйствительно такими перемѣнами въ картѣ Европы въ смыслѣ перехода территорій отъ одного государства къ другому, которыя непосредственно отвѣчали бы всей грандіозности борьбы.

Франціи, кромѣ Эльзаса-Лотарингіи, не нужны никакія территоріи. Объ Англіи нечего и говорить, если не касаться какихъ-нибудь полудикихъ африканскихъ колоній. Бельгія, вовлеченная въ эту войну совершенно противъ ея воли, и конечно, имѣющая, уже по одному этому, право на первое мѣсто въ ряду державъ, которыя могутъ притязать на справедливое возмѣщеніе причиненнаго войною разоренія, послѣ успѣшнаго, Богъ дастъ, ея окончанія должна съ несомнѣнностью убѣдиться въ томъ, что и для дальнѣйшей охраны ея независимости «клочекъ бумаги» значитъ больше, чѣмъ лишній клочекъ земли, и едва ли можетъ быть склонна искать какого-либо вознагражденія, кромѣ той своей крупной доли матеріальнаго возмѣщенія причиненнаго ей войною разоренія, которая, вмѣстѣ съ подъемомъ отъ чувства глубокаго внутренняго удовлетворенія, должна обезпечить ей возрожденіе въ новомъ блескѣ ея культурнаго и промышленнаго преуспѣянія.

* *
*

Извѣстныя «исправленія границъ», конечно, неминуемы и послѣ этой войны, потому что немыслимо, разумѣется, чтобы послѣ войны, вся идеологія которой построена на національномъ самоопредѣленіи, могла бы, напримѣръ, не соединиться съ Россіею русская Галицкая Русь. Но истинный смыслъ и значеніе этой войны, конечно,—не въ территоріальномъ перекраиваніи карты Европы, не въ присоединеніи тѣхъ или иныхъ территорій Германіи и Австро-Венгріи къ территоріямъ другихъ Державъ, а въ возведеніи, прежде всего, славянскихъ народностей Австро-Венгріи, для которыхъ именно эта война и должна быть освободительною въ настоящемъ смыслѣ этого слова, на степень самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ и въ достиженіи этимъ такого положенія, при которомъ, въ интересахъ всего міра, долженъ быть созданъ противовѣсъ организовавшемуся за послѣднія десятилѣтія германскому міру въ лицѣ федеративной организаціи міра славянскаго.

При всемъ возможномъ увлеченіи нынѣшнимъ моментомъ, нельзя, конечно, забывать, что нѣмцы представляютъ собою историческую силу слишкомъ крупную, чтобы можно было говорить объ ихъ полнѣйшемъ разгромѣ. Всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы мѣсто теперешней Германіи Гогенцоллерновъ, прусской Германіи 70-го года, заняла Германія прежняя, болѣе спокойная, и чтобы, въ предотвращеніе рецидива, былъ созданъ противовѣсъ ей достаточно сильный въ видѣ надлежащей организаціи славянскаго міра.

Съ указанной только что точки зрѣнія, Габсбурги,

при всемъ теперешнемъ безсилiи этой династiи, въ лицѣ послѣднихъ носителей габсбургской идеи, представляютъ собою все же значительную историческую силу, едва ли не единственную, кромѣ, пожалуй, Баварской династiи Виттельсбаховъ, которая можетъ быть противопоставляема, въ глазахъ нѣмцевъ, династiи Гогенцоллерновъ, еслибы только могъ пасть гипнозъ, созданный рукою все того же Бисмарка, успѣвшаго воспитать въ самихъ же Габсбургахъ, въ видѣ компенсацiи за Кениггрецъ и Садову, лишившiе ихъ прежняго мѣста въ германскомъ мiрѣ, абсурдное убѣжденiе въ томъ, что Габсбурги—чуть ли не славянская династiя, будущее которой въ славянскихъ земляхъ, и что Боснiя и Герцеговина должны быть ближе ихъ сердцу, чѣмъ Гессенъ или Ганноверъ.

Въ паденiи этого гипноза, въ оправданiи крылатаго слова Горчакова о томъ, что на Балканахъ не новая заря габсбургской Австрiи, а ея «гробъ», перспектива ея гибели, — опасность для Гогенцоллерновъ гораздо болѣе страшная, чѣмъ хотя бы и весьма значительныя территорiальныя потери. И если, до настоящей войны, мы, быть можетъ, сдѣлали ту ошибку, что не использовали того направленiя, при которомъ «вѣрнѣйшiй другъ Габсбурговъ» Берлинъ, скорѣе всего, первый предалъ бы ихъ на почвѣ раздѣла Австро-Венгрiи, то теперь, послѣ всего уже совершившагося, всѣ усилiя «выдумывающихъ порохъ» должны быть направлены къ тому, чтобы на будущемъ конгрессѣ, для котораго развѣнчанiе Гогенцоллерновъ должно быть краеугольнымъ камнемъ всѣхъ его трудовъ, не

остался бы безъ использованія въ этой рѣшительной дипломатической партіи тотъ крупный козырь, какой можетъ представлять собою историческая династія Габсбурговъ для той формы будущей Германіи, первообразомъ которой могла бы послужить эпоха Франкфуртскаго сейма и сохраненію которой болѣе всего и могла бы способствовать династія Габсбурговъ съ ея большими историческими традиціями, но съ небольшими территоріальными, только нѣмецкими, конечно, владѣніями.

Пусть Габсбурги снова станутъ германскою династіею. Если съ этимъ можетъ быть связано возвращеніе Германіи къ той ея прежней жизни, какою она жила до побѣды Гогенцоллерновъ надъ Габсбургами, къ той прежней жизни, когда Германія была страною Шиллера и Гете, а не прусскаго кулака, то династія Габсбурговъ — сила, несомнѣнно, слишкомъ крупная, чтобы въ общемъ расчетѣ политическихъ судебъ игнорировать ее въ качествѣ противовѣса Гогенцоллернамъ, если только не увлекаться слишкомъ широкими планами относительно полнѣйшаго политическаго разъединенія Германіи, едва ли возможнаго послѣ всей ея исторіи XIX вѣка.

Указанное только что рѣшеніе вопроса, которое можетъ найти себѣ извѣстную поддержку въ средѣ самихъ же тѣхъ германскихъ государствъ, которыя фрондируютъ противъ гегемоніи прусскаго кулака отъ первыхъ дней образованія Германіи Гогенцоллерновъ, должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчить лишеніе Габсбурговъ славянскихъ земель, которыя въ эпоху Франкфуртскаго сейма

и были вѣдь искусно использованною Бисмаркомъ причиною утраты принадлежавшаго имъ вѣками перваго въ Германіи мѣста.

А въ самостоятельной организаціи славянскихъ земель Австріи—ключъ не только къ разрѣшенію вѣковой борьбы между Германизмомъ и Славянствомъ, но также и къ обезпеченію на долгіе годы европейскаго мира и политическаго равновѣсія, такъ какъ главнѣйшая сила Германизма и ея избытокъ, дающій почву для столь страшныхъ эксцессовъ, какъ послѣднія выступленія Германіи, основываются, прежде всего, на отсутствіи должной силы и организаціи славянскаго міра.

Какова, именно, должна быть эта будущая организація славянскаго міра,—это вопросъ слишкомъ сложный, чтобы теперь же касаться его въ подробностяхъ. Ограничусь пока лишь замѣчаніемъ о томъ, что если возможны такіе дни, когда черезъ всю пропасть протекшихъ вѣковъ, у воротъ Львова и Галича можетъ подавать руку нашему вѣку, вѣкъ князей Галицкихъ, и когда Галицкая земля, какъ спящая красавица въ сказкѣ, просыпается отъ тяжелаго многовѣковаго сна, то менѣе всего должна считаться утопіею возможность примѣненія къ славянскому міру той формы единенія, которую Бисмаркъ создалъ для Германіи, задавъ цѣлымъ поколѣніямъ государствовѣдовъ до сихъ поръ неразрѣшенную ими задачу объ отнесеніи этой государственной формы къ категоріи союза государствъ или союзнаго государства.

Фортуна историческаго счастья никогда не прощаетъ тому, кто не умѣетъ использовать тотъ моментъ, когда

она повернется къ нему лицомъ. Почему, въ концѣ концовъ, невозможно, чтобы подобно тому, какъ Пруссія, Саксонія, Вюртембергъ, Баварія и всякіе Рейсы старшіе и младшіе, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси, составили въ совокупности своей Германію, образовалось бы подобное же Славянское Государство, въ которомъ Сербія, Черногорія, Болгарія были бы такими же его членами, какъ Саксонія, Вюртембергъ и Баварія являются членами Германіи, а Россіи принадлежала бы среди нихъ—honny soit qui mal y pense—роль Австріи въ прежней или Пруссіи въ нынѣшней Германской Имперіи, та первенствующая роль, которая Россіи можетъ принадлежать въ славянскомъ мірѣ съ гораздо бóльшимъ правомъ, чѣмъ Пруссіи, еще такъ недавно вассалу прежней Польши,—въ германскомъ, если только подобно тому, какъ это уже было въ исторіи возрожденія славянскихъ государствъ на Балканахъ, не будетъ ни одного славянскаго государства, которое самымъ возрожденіемъ своимъ изъ тьмы вѣковъ чужого владычества не было бы обязано Россіи.

Еслибы та форма тѣснѣйшей единой организаціи славянскаго міра, какой достигъ міръ германскій, могла оказаться недостаточно назрѣвшею, то наименьшее, чѣмъ можно было бы ограничиться въ этомъ отношеніи, было бы образованіе въ немъ той самой организаціи, о допустимости которой послѣ войны упомянуто выше въ отношеніи міра германскаго. Если славянскому міру еще не приспѣло образовать организацію болѣе тѣсную и единую, чѣмъ міру германскому, то во всякомъ слу-

чаѣ она должна быть и не менѣе тѣсною, чтобы обезпечить Европѣ прочное политическое равновѣсіе, и къ этой задачѣ должны сводиться главнѣйшія усилія тѣхъ, отъ кого будетъ зависѣть на будущемъ конгрессѣ опредѣлить результаты войны для того, чтобы именно общими усиліями всей Европы былъ установленъ на будущее время такой порядокъ, какимъ могло бы быть обезпечено возможно вѣрнѣе состояніе мира и культуры на прочной почвѣ той старой и вѣчно новой идеи политическаго равновѣсія, съ которою въ данный историческій моментъ можетъ счастливо совпасть достиженіе лучшихъ идеаловъ Славянства.

III.

Было бы, конечно, трудно излагать здѣсь сколько-нибудь подробно основанія той организаціи славянскаго міра, которая могла бы, давъ самостоятельную прочную жизнь Славянству, послужить вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшимъ оплотомъ противъ воинствующаго Германизма и, значитъ, вѣрнѣйшимъ залогомъ длительнаго мира, на почвѣ воплощенія идеи политическаго равновѣсія.

Поэтому, не останавливаясь совершенно на вопросѣ объ организаціи міра германскаго, — такъ какъ относительно него достаточно ограничиться упоминаніемъ, что онъ долженъ быть возвращенъ къ своему до-гогенцоллерискому состоянію, которое предполагается извѣстнымъ, — можно лишь намѣтить, въ общихъ

чертахъ, основанія желательной будущей политической организаціи Славянства въ слѣдующемъ видѣ, сообразуясь, прежде всего, съ географическими условіями расположенія славянскихъ земель и съ тѣми возможностями, какія въ ближайшемъ времени должны и могутъ быть реально осуществимы, и избѣгая при этомъ той расплывчатости и неопредѣленности, которая представляетъ, къ сожалѣнію, общую черту большинства мечтаній о будущей возможной организаціи Славянства.

Географическими условіями положенія славянскихъ земель опредѣляются сами собою двѣ группы возможныхъ соединенныхъ славянскихъ образованій: сѣверная и южная. Не можетъ и не должно быть сомнѣній въ томъ, что внѣ союзныхъ соединеній нельзя вообще мыслить существованіе различныхъ ожидаемыхъ отъ распаденія Лоскутной Монархіи отдѣльныхъ ея славянскихъ частей, которыя, въ противномъ случаѣ, были бы, дѣйствительно лишь слабыми безсильными лоскутками въ общей ткани европейской и міровой политики.

Правильнѣе всего было бы, если бы изъ нихъ образовались мѣстныя частныя соединенія, которыя въ совокупности своей составляли бы болѣе сильныя союзныя образованія, и уже въ этомъ видѣ соединялись бы, тою или иною связью, съ тѣмъ величайшимъ славянскимъ государственнымъ тѣломъ, какимъ является Россія. При этомъ только условіи легче всего достижимъ тотъ идеалъ единства во множествѣ,

который, вмѣстѣ съ тѣмъ, является наиболѣе отвѣчающимъ фактическому положенію вещей, связанному, въ силу глубоко несчастныхъ для Славянства данныхъ исторіи, бывшей для него до сихъ поръ всегда злою мачехой, со слишкомъ глубокими различіями во многихъ отдѣльныхъ единицахъ Славянства, чтобы можно было мечтать о непосредственномъ общемъ ихъ сліяніи.

Несчастный примѣръ крушенія перваго опыта славянскаго союза между Сербіею и Болгаріею слишкомъ свѣжъ еще въ памяти, чтобы не ложиться тяжелымъ камнемъ на порогѣ плановъ о славянскихъ союзныхъ образованіяхъ. Но ураганъ исторіи подымаетъ и сбрасываетъ съ своего пути и не такіе камни, а тотъ короткій промежутокъ времени, который прошелъ со дня крушенія упомянутаго опыта, стоитъ, самъ по себѣ, нѣсколькихъ столѣтій. И горе тому славянскому народу, который можетъ не понять значенія этого момента, если только дѣйствительно можетъ найтись между славянами такой народъ, — народъ, а не правительство, потому что «министры и правительства гибнутъ, а народы остаются».

* * *

Подобно тому, какъ одно время политическая организація Германіи выражалась въ существованіи двухъ отдѣльныхъ крупныхъ союзовъ — сѣверо-германскаго и южно-германскаго, такъ и для Славянства до нѣкоторой степени напрашивается само собою, — въ виду глухого почти ихъ раздѣленія венгерскою частью

Двуединой Имперіи, которой, вѣроятно, суждено пережить свою австро-нѣмецкую половину въ качествѣ довольно крупнаго государственнаго тѣла, — образованіе двухъ отдѣльныхъ союзовъ: южно-славянскаго и сѣверо-славянскаго. Этотъ послѣдній долженъ заключать въ себѣ, вмѣстѣ съ Польшею, территоріально примыкающія къ ней Чехію и Моравію, съ присоединеніемъ къ нимъ земли Словаковъ.

Что касается Польши, то относительно нея, послѣ того какъ врагъ успѣлъ уже, къ несчастью, перевести, въ той или иной степени, на свой языкъ нѣмецкихъ фактовъ воззваніе русскаго Главнокомандущаго, теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, должно быть ясно, что столь важное для цѣлей созданія, въ лицѣ Славянства, надежнаго, противъ Германизма, оплота можетъ быть достигнуто лишь полнымъ изгнаніемъ изъ политическаго лексикона того термина «автономія», который чуть ли не каждымъ его произносящимъ понимается по своему, и точнымъ и прямымъ установленіемъ положенія будущей Польши въ томъ смыслѣ, что она должна быть государствомъ, вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ, но тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ Россіею въ томъ, что должно быть цѣлью этой связи, т. е. въ созданіи оплота противъ Германизма.

Говоря терминологіею государственнаго права, Польша, какъ и другія славянскія государства, должна быть связана съ Россіею тѣмъ видомъ соединенія, какой называется, при соединеніи нѣсколькихъ государствъ,

федераціею, частнымъ видомъ которой, при соединеніи двухъ только государствъ, является такъ наз. «реальная унія», такъ какъ при такомъ видѣ соединенія, выражающемся, какъ извѣстно, прежде всего, въ постоянной общности внѣшней политики, можетъ быть лучше всего достигнуто то положеніе, при какомъ независимость Польши отъ Россіи не будетъ означать оторванность отъ нея, и осуществлены будутъ, такимъ образомъ, тѣ двѣ цѣли, въ которыхъ ключъ разрѣшенія русско-польскаго вопроса для обѣихъ его сторонъ: *независимость* Польши во всемъ, что касается ея внутренней жизни, *но не оторванность*, а, напротивъ того, неразрывность между сѣверо-славянскимъ союзомъ и Россіею въ томъ, что касается политики внѣшней.

Вопросъ объ южно-славянскомъ союзѣ, въ которомъ къ существующимъ уже на Балканахъ со времени Берлинскаго Конгресса самостоятельнымъ славянскимъ государствамъ примкнули бы, помимо возсоединенныхъ съ Сербіею Босніи и Герцеговины, также и въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ Крайна, Далмація, Кроація и Славонія, въ значительной степени осложняется положеніемъ вещей, существующимъ въ отношеніяхъ между старшими членами этого будущаго южно-славянскаго союза.

Здѣсь не мѣсто касаться этихъ отношеній между Болгаріею и Сербіею по существу, но нельзя отрицать, что во всякомъ случаѣ,—даже если Болгарія и перестанетъ когда-нибудь быть Koburgland'омъ,—въ настоящее время Сербія какъ бы отмѣчена историче-

скимъ перстомъ уже въ силу одного того, что на ея долю выпало, въ совершающейся нынѣ исторической драмѣ, быть первою точкою приложенія силъ въ рѣшительной борьбѣ между Германизмомъ и Славянствомъ. Эта роль Сербіи настолько значительна, что, въ соединеніи съ положеніемъ, занятымъ Болгаріею въ тотъ часъ, когда рѣшаются судьбы всего Славянства, уже въ силу одного этого едва ли возможны сомнѣнія по вопросу о томъ, кому будетъ принадлежать въ южнославянскомъ союзѣ, если онъ образуется, необходимая въ той или иной мѣрѣ даже и при федеративномъ строѣ гегемонія.

Съ другой стороны, когда, Богъ дастъ, Сербіо получитъ, съ возсоединеніемъ съ нею Босніи, достойную награду за свою историческую роль, то яблоко раздора между нею и Болгаріею въ видѣ македонскаго вопроса должно для нея, быть можетъ, въ значительной степени утратить свое значеніе, особенно если когда-нибудь Болгарія станетъ ей братскою, славянскою страной не только въ лицѣ народа, но и въ лицѣ его Правительства.

* * *

Россія должна явиться тѣмъ третьимъ членомъ въ обще-славянскомъ Великомъ Союзѣ, въ которомъ другими его членами будутъ отдѣльные союзы, Сѣверо-славянскій и Южно-славянскій.

Въ какой именно степени должна быть установлена между ними связь, направленная, какъ и во

всякомъ государственномъ образованіи, носящемъ въ юридической литературѣ названіе *союза государствъ*, прежде всего, на вопросы внѣшней политической жизни и военной обороны, — это, конечно, вопросъ, лежащій всецѣло въ области политики, для отвѣта на который каждый новый день можетъ накопить новый матеріалъ. Въ какихъ именно формахъ должна выразиться эта связь, — это вопросъ, для отвѣта на который имѣется налицо большой матеріалъ въ научной литературѣ и въ исторіи организаціи германскихъ государствъ; этому поучиться у нихъ не стыдно. Въ наиболѣе общихъ чертахъ союзная организація должна выразиться въ томъ, чтобы связь между ея членами была такова, какъ между взрослыми братьями одной и той же семьи: самостоятельность каждаго у себя въ домѣ, и теснѣйшее единеніе всѣхъ при малѣйшей угрозѣ одному изъ этихъ домовъ со стороны.

У себя дома каждый изъ членовъ будущаго Великаго Славянскаго Союза долженъ имѣть всю полноту власти, и въ своей Думѣ, Сеймѣ, Скупщинѣ, Народномъ Собраніи, онъ будетъ рѣшать всѣ свои домашніе вопросы. А для обсужденія и рѣшенія дѣлъ общеславянскихъ долженъ существовать, на подобіе ли австро-венгерскихъ делегацій въ отношеніяхъ между нѣкоторыми отдѣльными членами этого Великаго Союза или же просто въ видѣ общей Думы или Собранія или Сейма, особый Союзный органъ, которому, кажется, сама судьба заранѣе опредѣлила его мѣстонахожденіе тамъ, гдѣ болѣе всего подходитъ слиться въ «славян-

скомъ морѣ» мощнаго согласія не разъ скрещивавшимся между собою именно здѣсь, въ географическомъ центрѣ Славянства, бурнымъ потокамъ главнѣйшихъ славянскихъ державъ въ ихъ «домашнемъ старомъ спорѣ».

И когда, въ стараніи прорвать умственнымъ взоромъ завѣсу будущаго, такъ страстно хочется рисовать себѣ картину единенія,—въ видѣ оплота противъ воинствующаго Германизма,—Великаго Славянскаго Союза, едва ли можно представить эту картину гдѣ-либо живѣе, чѣмъ въ рамкѣ стѣнъ того города, — Кіева, которому какъ по его географическому положенію, такъ и по историческому значенію, больше всего подходила бы та роль, какая въ Германіи принадлежала въ свое время Франкфурту.

И видится въ этихъ историческихъ стѣнахъ длинный рядъ представителей новыхъ свободныхъ самостоятельныхъ государствъ въ неразрывномъ союзѣ съ Россіею — Освободительницею, въ 1814 году, Европы отъ кошмара наполеоновскихъ войнъ, Россіею-Освободительницею, въ 1878 году, балканскихъ народностей отъ турецкаго ига, и, наконецъ, Россіею-участницей освобожденія Европы отъ гнета германскаго милитаризма и Освободительницею порабощенныхъ славянскихъ народностей отъ германскаго ига, — и слышится торжествующій благовѣстъ согласнаго единенія между ними, и такъ горячо, такъ страстно хочется вѣрить, что эта картина — не мечта, а свѣтлое, какъ мечта, будущее, уже недалекое, предопредѣленное въ переживаемый нынѣ грозный и великій историческій часъ.

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Цѣна 20 и 30 к. — **„ТРИБУНА“** — Цѣна 20 и 30 к.

ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

2-ой годъ изданія. 2-ой годъ изданія.

ТРИБУНА

Рѣчи въ Гос. Думѣ и въ Политическихъ Собраніяхъ.

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ПОЛИТИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ, ФЕЛЬЕТОНЫ, СТАТЬИ и пр.

даетъ возможность

СОХРАНЯТЬ

ВЫДАЮЩІЯСЯ

ПОЛИТИЧЕСКІЯ РѢЧИ

въ удобномъ форматѣ отдѣльныхъ изящныхъ брошюръ.

ПОДПИСКА на «ТРИБУНУ».

съ доставкой и пересылкой (4 р. 50 к. за 24 вып. въ годъ) принимается во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи, въ Гл. Конторѣ: Пгр. Кронверкскій просп., 7 (тел. 640-91) и въ Отд. Конторы, Невскій, 20 (кн. маг. б. Мелье и К°),

4 руб. 50 к.—24 вып. 2 руб. 40 к.—12 вып.

а также въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, Карбасникова и др.

Тамъ-же и во всѣхъ кн. маг. „ОТКЛИКИ“ 2 р. 40 к. за 12 вып.

Для гг. подписчиковъ ПРОПУСКИ, сдѣланные Цензурою въ ноябрскихъ рѣчахъ П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенскаго, В. А. Маклакова, В. М. Пуришкевича и др. о Б. В. Штюрмерѣ, Гр. Распутинѣ и проч., БУДУТЪ ВОЗСТАНОВЛЕНЫ.—Ред.-Изд. *А. М. Горовцевъ.*

ФЕЛЬЕТОНЫ НА ВАЖНѢЙШІЯ ТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКАГО ДНЯ.

Цѣна 20 и 30 к. — **„ОТКЛИКИ“** — Цѣна 20 и 30 к.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

